

II. Мое горе.

На меня разсердилась моя Маруся!..

Вамъ хотѣлось когда-нибудь музыки, какъ вина?.. и притомъ не въ радостную минуту, когда хочешь усилить ея впечатлѣніе еще болѣе опьяняющимъ весельемъ, крикнувъ въ полузабвеніи: музыку!

Нѣтъ... бываютъ другія минуты въ жизни, такъ сказать, мертвыя точки; онѣ бываютъ послѣ сильно-пережитого аффекта и, какъ душливый жаркій день передъ грозой, мучительно томятъ вашу душу... Вотъ въ такія-то минуты вамъ кажется, будто вашъ внутренній жизненный механизмъ остановился... вамъ тяжело... вы готовы страстно отдаться чужой волѣ, вину, музыкѣ, лишь бы хоть немного забыть тяжесть этого страшнаго душевнаго небытія... Вы хотите поскорѣе опять вернуться къ жизни, точно вы на время лишены были воздуха, точно васъ слишкомъ долго продержали подъ хлороформомъ или въ душномъ подземельѣ... Вы боитесь въ то же время за свою волю, чувствуя, что вы не сладите съ собою, не переживете потеряннаго рая...

Мнѣ сейчасъ хочется музыки... Я хочу слышать вальсъ Шопена или какую-нибудь пѣвучую венгерскую мелодію... Я хочу въ музыкѣ поплакать о своемъ горѣ...

На меня разсердилась моя Маруся!..

III. Тѣни прошлаго.

Вчера было 12 января, день основанія нашего университета. Въ этотъ день студенчество невольно воскресаетъ, прорывается къ лучшему, подводитъ итоги прошлаго...

Разобченный со всѣми членами этой великой семьи, живя въ деревнѣ, далеко отъ Москвы, я взгрустнулъ: такъ мнѣ захотѣлось побывать въ средѣ своихъ товарищей, столько сказать имъ, ободрить ихъ, обнять... Моя грудь была переполнена любовью, готовую излиться на моихъ братьевъ, я хотѣлъ бы быть всегда въ рядахъ этой братіи, бороться, чтобы ей лучше жилось, чтобы бѣдному дана была помощь стать на ноги, чтобы робкаго поддерживать въ его честныхъ стремленіяхъ... Но жизнь, которая всѣ силы мои тратила на мелочи и сейчасъ не позволяетъ мнѣ быть съ тобою, честная мысль и работа, — о, какъ скоро идетъ она, эта жизнь! Мнѣ подѣ тридцать лѣтъ, и я еще не началъ жить для людей! Вся моя жизнь была трудомъ и борьбой за самое скучное влеченіе жизни. Счастливыя минуты порой улыбались мнѣ, но, какъ миражи, скоро исчезали онѣ. Я вспомнилъ подѣ вліяніемъ потока нахлынувшихъ университетскихъ воспоминаній о цѣломъ рядѣ такихъ миражей, чудныхъ, свѣтлыхъ, чистыхъ, молодыхъ... окружавшихъ студенческую жизнь, о лазурномъ царствѣ, гдѣ такъ свѣтло и честно жилось и чувствовалось.

Гдѣ ты, лазурное царство? Гдѣ вы, друзья, которые такъ много обѣщали трудиться на пользу младшаго брата?...

IV. Исповѣдь.

Сегодня я покончу съ собою: надо подвести итоги...

Я никого не могу любить, и меня никто не полюбитъ... а безъ любви нѣтъ жизни...

Жизнь моя несчастная!...

Выхода мнѣ нѣтъ нигуда.

Худая трава изъ поля вонь! И умерь... Рисоваться мнѣ не предѣ къмѣ.

Вотъ моя исповѣдь:

Кому я нуженъ? Никому!

Въ сущности говоря, я и не знаю, кто меня пожалѣетъ: сердца у людей нѣтъ. Если и пожалѣютъ, то лишь для того, пожалуй, чтобы порисоваться передъ другими... Самое печальное-то — не въ моей смерти, а въ томъ, что всѣ вы, жалѣющие и нежалѣющие, всѣ вы давно умерли нрав-

ственно... О, люди, люди!... Жить съ вами — значитъ становиться все болѣе и болѣе скотомъ. Вамъ нужна ложь, ложь и ложь! Правда вамъ нужна только для того, чтобы рисоваться ею. Когда же пробьетъ вашъ часъ, вы опять будете лгать и рисоваться, ссылаясь на свое прошлое. Чѣмъ вы живете? Оглянитесь или лучше не оглядывайтесь, чтобы вамъ не пережить тѣхъ страшныхъ минутъ, на которыя вы предумышленно все время закрываете глаза.

Ну, довольно!...

Послѣдняя ночь... На дворѣ пасмурно... туманъ... сыро... дышать трудно...

Нигдѣ не хорошо!...

Уйти отъ васъ.

О, если бы не до свиданья!

Ив. Городецкій.

ОТКЛИКИ.

(За недѣлю).

Въ одномъ изъ печатающихся въ „Семьѣ“ очерковъ „Молодой литературной Россіи“ упоминалось о первыхъ главахъ новой повѣсти А. П. Чехова, появившейся въ „Русской Мысли“ и названной „Разсказомъ неизвѣстнаго человѣка“.

Теперь повѣсть эта закончена и уже успѣла расколоть читающую и критиканствующую — на словахъ-ли только или и въ печати — публику на двѣ, далеко не равной величины, половинки. Одни восторгаются „Разсказомъ неизвѣстнаго человѣка“, видятъ въ немъ большой и, главное, утѣшительный шагъ по своему направленію шагъ впередъ — къ вполне-осмысленному творчеству; другіе, напротивъ, очень и очень недовольны „Разсказомъ“, чутъ-что не обзываютъ его неудачными потугами блѣднѣющаго таланта, отважившагося на слишкомъ крупное художественное дѣло и совсѣмъ спасовавшаго передъ нимъ.

Такого отзыва слѣдовало ждать. Какъ и почему — вопросъ другой, вопросъ болѣе чѣмъ мудреный, — только въ насъ, дѣтей россійскаго фэндесекля, похожего на свой европейскій прототипъ, но перефасоненнаго на отечественный ладъ, глубоко, до самаго дна душевнаго, въѣзлась горькая, безсильная увѣренность, что теперешнее время — не время сколько-нибудь серьезныхъ произведеній, какъ и не время сколько-нибудь серьезныхъ дѣлъ и дѣйствительныхъ, а не фарисейскихъ или анемичныхъ добродѣтелей; увѣренность, что современный человѣкъ — только на малыхъ дѣлахъ, и современный писатель, будь то даже самый даровитый и вдумчивый — только на малыхъ твореніяхъ съ микроскопическимъ размахомъ, съ убогой мыслью или съ тенденціозной блажью. И потому для произведенія, въ которомъ есть какая-нибудь видимость серьезности и глубины, особенно относительно выбора самой темы, у насъ напередъ готова скептическая улыбка, напередъ постановлено, подписано и всѣми печатами припечатано глубококомысленное рѣшеніе, что „это — вздорныя потуги“ или что-нибудь въ такомъ-же не лестномъ, но ярко обличающемъ критическую строгость и требовательность судей родѣ.

А въ новомъ чеховскомъ произведеніи — не только одна серьезная видимость. Оно дѣйствительно серьезно по поставленной авторомъ задачѣ, задачѣ первостепенной важности, близко подходящей по своимъ размѣрамъ къ тѣмъ задачамъ, какія одну за другой ставилъ себѣ Тургеневъ. Эта задача — изобразить современное поколѣніе русскихъ мыслящихъ людей, россійскихъ интеллигентовъ послѣдней грустной формации, съ вылинявшею душою, собственными руками подписывающихъ себѣ смертный приговоръ и мирящихся поневолѣ съ тѣмъ, что „нашему поколѣнію — крышка“. Предъ читателемъ развертывает-

ся мрачная картина, картина правдивая, вѣрная окружающей жизни, написанная сильно, и на ней выступает огненнымъ буквами вопросъ: — „Отчего мы утѣмнились? Отчего мы, вначалѣ такіе страстные, смѣлые, благородные, вѣрующіе, къ 30 — 35 годамъ становимся уже полными банкротами, такъ что отъ нашей вѣры, страсти и отваги не остается даже пыли? Отчего въ этомъ возрастѣ одинъ изъ насъ гаснетъ въ чахоткѣ, другой пускаетъ себя пулю въ лобъ, третій ищетъ забвенія въ водкѣ и картахъ... Отчего мы, упавши разъ, уже не стараемся подняться и, потерявъ одно, не ищемъ другого? Отчего?“

Мучительное „отчего?“, отвѣтитъ на которое значило-бы пролить яркій свѣтъ на всю жизнь современной русской души, объяснить всѣ ея муки, подобрать ключъ ко всей нашей обанкротившейся дѣйствительности. Съ Чехова довольно и того, что онъ представилъ нѣсколько типичныхъ разношерстныхъ представителей этого банкротства, помогъ глубже заглянуть въ нихъ и понять ихъ быстро шагающія внизъ со ступеньки на ступеньку души. Роковое „отчего?“ этотъ „огненный вопросъ“, какъ говоритъ герой — „неизвѣстный человѣкъ“, остается со своимъ вопросительнымъ знакомъ, но рѣшеніе его много ближе — уже по одному тому, что самый вопросъ яснѣе.

Дальнозоркій читатель, быть можетъ, подглядитъ въ „Разсказѣ“ и смутныя, только намѣчающіяся еще, только складывающіяся очертанія самаго рѣшенія вопроса и даже намекъ на выходъ къ свѣту. Но это только намекъ. Онъ еще окутанъ дымкой, хотя уже чувствуется его присутствие... Онъ — повидимому, въ духѣ Достоевскаго. Если-бы я не боялся навязать автору невысказанной имъ мысли, я-бы формулировать его словами — „дѣятельная любовь“ или выросшая на любви дѣятельность...

* * *

А для такой дѣятельности какой широкій просторъ, не смотря ни на какія вѣтшія условія!

Позвольте привести два любопытныхъ примѣра, взятыхъ изъ текущей дѣйствительности.

Не такъ давно въ Петербургѣ происходило годичное засѣданіе общества для оказанія помощи нуждающимся переселенцамъ. Собравшіеся на это засѣданіе такъ и ахнули, узнавъ, что общество издержало за годъ на переселенческихъ нужды что-то около двухъ лондонскихъ грошей и во всякомъ случаѣ не больше того, сколько израсходовала его канцелярія, занятая распредѣленіемъ этихъ грошей. Чтобы вѣрнѣе уразумѣть весь грустный смыслъ этого буквально грошевого пособия, надо припомнить, что такое вспомогательное переселенческое общество у насъ *единственное*, а переселенческая волна, изъ года въ годъ упорно растущая, захватываетъ каждую весну, при первыхъ теплыхъ лучахъ, цѣлую сотню тысячъ человѣкъ, безъ денегъ въ карманѣ и безъ какого-нибудь понятія о томъ, куда они идутъ и что встрѣтятъ на новыхъ мѣстахъ, но съ кучею малолѣтнихъ дѣтей за спиною. И на эту-то сотню тысячъ, а можетъ-быть и больше, потому-что переселенческая статистика, какъ всякая статистика, у насъ сильно прихрамываетъ, — пособие не-то въ 500, не-то въ 700 рублей!

Перенеситесь мысленно на Западъ, какъ любилъ еще недавно выражаться наши добросовѣстные публицисты, въ Англію, съ переселенческимъ опытомъ которой познакомилъ въ своемъ интересномъ докладѣ статистическому обществу почтенный Ив. Ив. Янжулъ. Какая поразительная, завидная картина! Тамъ уже давно сознали и больше объ этомъ не спорятъ, что переселеніе — явленіе неизбежное и вполне естественное, что предупреждать его, а тѣмъ болѣе бороться съ нимъ — бесполезно и смѣшно. Нужно только помочь ему, нужно дать тому, кого законъ социальныхъ судебъ обрекъ на разлуку съ родиной, съ насильственнымъ мѣстомъ, возможность совершить свое переселеніе полегче, безъ лишнихъ жертвъ и лишеній, съ возможно

большою пользою и для себя, и для обоихъ своихъ отечествъ, стараго и новаго. И правительство, и община, и общество, и особенно отдѣльные люди, умѣющіе давать разумный выходъ своимъ филантропическимъ потребностямъ — всѣ дружно работаютъ тутъ для достиженія этой важной цѣли. Въ описаніи Ив. Ив. Янжула, все соединенное королевство представляется, въ буквальномъ смыслѣ, покрытымъ густою сѣтью всякихъ учреждений, приходящихъ переселенцу на помощь деньгами, ссудою, покровительствомъ, рекомендаціями, совѣтами и указаціями. Онъ тамъ не бродитъ какъ въ лѣсу, не идетъ наобумъ, куда глаза глядятъ, и потому ему не приходится ударяться головою объ стѣну и, пройдя, среди страшныхъ мученій и скитаній, тысячи длинныхъ верстъ, сейчасъ-же поворачивать назадъ и дѣлать эти самыя тысячи верстъ въ обратномъ направленіи, прочь отъ того мѣста, куда тнѣла темная мечта о лучшей долѣ. Организациія этихъ учрежденій крайне разнообразна и часто построена на очень оригинальныхъ и остроумныхъ принципахъ. Весьма значительную помощь оказываетъ, на примѣръ, такъ не по заслугамъ осмѣянная „Армія спасенія“, генералъ которой, знаменитый Бутсъ, осуществляя свой планъ социальной реформы, развитый имъ въ „Трущобахъ Англіи“, купилъ еще недавно большій кусокъ земли на Капской землѣ и получилъ въ даръ клочекъ земли подъ Лондономъ. На этой послѣдней устроена сельская колонія для предварительнаго исправленія подобрачныхъ изъ лондонскаго грязнаго отребья колонистовъ, а затѣмъ они уже отправляются въ „заморскую колонію“, на Капскую землю. Есть благотворительныя переселенческія общества, переселяющія только дѣтей, при чемъ у большинства такихъ обществъ имѣются свои школы-приюты, гдѣ подобранные на улицахъ дѣти, уже успѣвшія заразиться порокомъ и лѣною, исправляются, обучаются какому-нибудь ремеслу и только затѣмъ переселяются въ мало населенныя колоніи и тамъ охотно принимаются взрослыми колонистами, какъ помощники, а иногда и основываются ими. Агенты отъ общества слѣдятъ на мѣстахъ, за тѣмъ, чтобы дѣти не эксплуатировались, чтобы имъ хорошо жилось на ровной родинѣ. Другія общества — спеціально женскія — помогаютъ только переселенкамъ, при чемъ одни оказываютъ покровительство только женщинамъ съ незапятнанною нравственностью, другія, напротивъ — только жертвамъ социальной нужды и порока; одни помогаютъ лишь дѣвушкамъ, другія — лишь замужнимъ и вдовамъ. Словомъ, спеціализація полная. Нѣкоторые общества денегъ переселенцу не даютъ, но оказываютъ ему помощь столь-же существеннаго значенія — снабжая его всеми потребными свѣдѣніями о томъ, куда лучше эмигрировать, гдѣ какіе люди нужны, какія условія ждутъ эмигранта въ томъ или иномъ мѣстѣ. Особенно любопытна въ этомъ отношеніи основанная въ послѣднее время „справочная переселенческая контора“, въ которой каждый желающій можетъ безвозмездно получить все нужное ему переселенческія справки; сверхъ того, эта „контора“ выпускаетъ цѣлый рядъ справочныхъ изданій и расклеиваетъ ихъ повсюду на видныхъ мѣстахъ, раздаетъ въ громадномъ количествѣ экземпляровъ или продаетъ по ничтожной цѣнѣ. Ею, между прочимъ, издаются „руководства для переселенцевъ“, стоящія три копейки; это — истинныя переселенческія энциклопедіи, поражающія обиліемъ, точностью и мелочностью свѣдѣній. Переселенецъ найдетъ тамъ даже указанія на то, какое платье брать съ собою и какое лучше купить на новомъ мѣстѣ, какія развлечения доставить ему это мѣсто въ то или иное время года и т. д., и т. д.

Не стану останавливаться дальше на этой картинѣ англійской переселенческой благотворительности. Приведу только одну цифру. Благодаря оказанной съ умѣньемъ и во-время помощи, англійскіе переселенцы за срокъ съ 1850 по 1884 годъ накопили, по точному расчету ста-

6/н.